

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-1-08-21

УДК 94(470) "1917"(470, 333)

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МОСКВЕ И БЕРЛИНЕ ПО ОБМЕНУ ВОЕННОПЛЕННЫХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1918 г.**

Лазаренко Елена Ивановна

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского.
г. Брянск, Россия.

lena.lazarenko.79@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена работе смешанных советско-германских комиссий в Берлине и Москве в 1918 г. по улучшению положения русских военнопленных и изменению условий дополнительных соглашений к Брестскому мирному договору от 3 марта 1918 г., касающихся обмена военнопленными и выплат издержек за их содержание. Актуальность исследования заключается в изучении работы Междуведомственного совещания и Главной ликвидационной комиссии, которые способствовали подписанию Германо-русского протокола относительно основ обмена годных к службе военнопленных обеих сторон и введению понятий «эквивалент произведенного труда» и «пленодни». Статья основана на ранее неизученных документах Государственного архива Российской Федерации, воспоминаниях и докладных записках атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова. Автор статьи пришел к выводу о том, что обмен «голова на голову» и выплата издержек в полтора миллиарда марок, которую требовали немцы за содержание русских военнопленных, оказались для советской делегации непосильны. Ситуацию спасла начавшаяся революция в Германии, в результате которой тяжелые условия по военнопленным Брестского мирного договора были аннулированы.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, смешанные русско-германские комиссии, Междуведомственное совещание.

Для цитирования: Лазаренко Е. И. Дипломатическая деятельность советской делегации в Москве и Берлине по обмену военнопленных Первой мировой войны в 1918 г. *Культурный ландшафт регионов*. 2021. Том. 3. № 1. с. 08-21.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-1-08-21

Original article

DIPLOMATIC ACTIVITY OF THE SOVIET DELEGATION EXCHANGE OF PRISONERS OF WAR AND PAYMENT OF EXPENSES FOR their MAINTENANCE in the SUMMER of 1918.

Elena I. Lazarenko

Bryansk state University named after I. G. Petrovsky

Bryansk, Russia

E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the diplomatic activity of the Soviet delegation in the summer of 1918. The author pays particular attention to the activities of the mixed Soviet-German Commission in Berlin and Moscow for the advancement of Russian prisoners of war and changes in additional agreements to the Brest peace Treaty, concerning exchange of prisoners and terms of payment costs for their content. The relevance of the research is to study the work of the Interdepartmental meeting and the Main liquidation Commission, which contributed to the signing of the German-Russian Protocol on the basis of the exchange of serviceable prisoners of war on both sides and the introduction of the concepts of "equivalent of work" and "plenodni" for calculating the costs of maintaining prisoners of war. The article is based on previously unexplored documents of the State archive of the Russian Federation, memoirs and memoirs of attache Semkov in Berlin. Referring to archival documents, the author of the article concluded that the exchange of "head to head" and the payment of costs of one and a half billion marks, which the Germans demanded for the maintenance of Russian prisoners of war, led the Soviet delegation to a dead end. The situation was saved by the beginning of the revolution in Germany, as a result of which the difficult conditions for prisoners of war of the Brest peace Treaty were canceled.

Keywords: prisoners of war, world war I, mixed Russian-German commissions, Interdepartmental meeting.

For citation: Lazarenko E.I. Diplomatic activity of the soviet delegation exchange of prisoners of war and payment of expenses for their maintenance in the summer of 1918. *Cultural landscape of the regions*. 2021. Vol. 3. no. 1. PP. 08-21. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-1-08-21

В отечественной и зарубежной историографии уделено достаточно внимания нормативно-правовым актам, способствовавшим определению правового статуса военнопленных Первой мировой войны и условиям содержания в лагерях неприятеля. Однако, дипломатическая деятельность советской делегации в Москве и Берлине по обмену военнопленных в 1918 г. изучена слабо.

После подписания мирного договора в Брест-Литовске между Россией и странами Четверного союза положение русских военнопленных в иностранных лагерях нисколько не улучшилось, так как дополнительные соглашения к Брест-

скому миру были весьма противоречивы и не защищали права русских военнопленных. В связи с этим советская сторона предпринимала все усилия, чтобы привлечь компетентных специалистов в работу смешанных советско-германских комиссий в Берлине и Москве в 1918 г. и организовать деятельность Междудомственного совещания, Главной ликвидационной и Совецательной комиссии по решению острых вопросов, связанных с военнопленными.

В статье поставлена задача выяснить роль дипломатической деятельности советской делегации летом 1918 г. по улучшению положения русских военнопленных, находившихся в иностранных лагерях после подписания Брестского мира.

После подписания Брестского мира на родину возвращались только больные, тяжелораненые и пожилые русские военнопленные, в то время как молодые и здоровые продолжали работать в различных отраслях немецкой промышленности, или продолжали томиться в иностранных лагерях. К весне 1918 г. отношения между Россией и Германией настолько обострились, что у Народного Комиссара по Иностранным Дела́м Г. В. Чичерина сложилось впечатление о том, что Германия забыла о заключении 3 марта 1918 г. договора с Россией. Он задавал вопрос немецким властям о том, «считают ли они сохраняющими свою силу условия Брест-Литовского мирного договора?» [1, с. 182]. В конце апреля начале мая 1918 г. Г. В. Чичерин обращался к руководству Германии с предложением о начале переговоров по всем накопившимся проблемам и созданию советско-германских комиссий.

В статье говорится о резком обострении отношений между государствами после убийства германского посла при правительстве РСФСР в Москве графа Мирбаха левыми эсерами 6 июля 1918 г. Тем самым ухудшилось и положение русских военнопленных: немецкий посол шел на просьбы советской делегации производить обмен военнопленных не «голова на голову», а «всех на всех». Советская сторона возлагала на графа большие надежды в решении этого вопроса. Более того, германскому послу в Советской России давалось указание поддерживать большевиков и избегать отношений с представителями российской оппозиции [1, с. 182]. Поэтому убийство посла Мирбаха поставило советскую делегацию в очень затруднительное положение. Довольно жесткую позицию по отношению к России занял немецкий поверенный в делах в Москве Курт Рицлер. В результате ноябрьской революции в Германии 1918 г. советское правительство издало «Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора» от 13 ноября 1918 г., на основании которого сам договор и дополнительные соглашения со всеми пунктами считались недействительными [1, с. 184].

О том, что Германия не хотела отпускать молодых и крепких русских военнопленных после Брестского мира отмечает в своем исследовании О. С. Нагорная [2]. Советско-германские переговоры по порядку обмена пригодных к службе военнопленных затянулись вплоть до июня 1918 г.: немцы принимали активное участие в Первой мировой войне на Западном фронте, и дешевая рабочая сила для функционирования собственной экономики им была необходима. Германия навязала советской делегации в договоре принцип обмена «один на один, чин на чин», что всячески затягивало репатриацию русских пленных на неопределенный срок. Немцы проиграли войну странам Антанты, русские военнопленные перестали быть нужны германскому военному производству. Вот тогда то, и начался процесс массового возвращения военнопленных в Россию [2, с. 106].

Проблеме дипломатических отношений летом 1918 г. между Россией и Германией уделено внимание в статье М. И. Ходыкина и А. Х. Тухватуллина [3]. Авторы описывают напряженную ситуацию в отношениях между государствами после подписания Брестского мира, который, как в дальнейшем показала практика, не ускорил обмен военнопленными. В апреле 1918 г. благодаря усилиям советской делегации оба государства наконец-то обменялись дипломатическими представительствами: 20 апреля в Берлин прибыл А. А. Иоффе, а 3 июня в Москву – немецкая делегация с графом Мирбахом. Были шансы урегулировать вопросы с обменом русских военнопленных [3, с. 53]. В статье фрагментарно упоминается заключение дополнительных соглашений к Брест-Литовскому договору в июле-августе 1918 г. с новыми условиями обмена военнопленных, выплате издержек и смягчения положения русских военнопленных, находившихся в немецких лагерях [3, с. 59].

В Государственном архиве Российской Федерации сохранились пояснительная записка, статьи Брестского мирного договора, подготовительные материалы Центральной коллегии о военнопленных и беженцах между Россией, Украиной и Германией для Брестского мирного договора (копии). Вызвал интерес документ «Вопрос о военнопленных по Брестскому мирному договору и необходимости расчета за них совместно с Украиной». Дело в том, что, когда Украина отделилась от Советской России, провозгласив Украинскую Раду, и подписала в Брест-Литовске мирный договор с Германией, Советское государство посчитало возможным не платить издержки за великороссов. В объяснительной записке к германо-украинскому дополнительному договору советской делегации были даны следующие указания: «При таком положении вещей было бы, очевидно, совершенно несправедливо возлагать на одну современную Россию всю тяжесть расчетов с Германией за содержание русских военнопленных, считается 1 200 000 человек (в среднем за 30 месяцев войны), в то время как германских пленных в России имеется около 110 000 человек. Единственным выходом из этих условий было бы соглашение с Украиной о совместном с нею урегулированию всех расчетов за военнопленных с Германией. По выявлении же сумм, которые могут причисляться в результат этих расчетов в пользу Германии или, как будет изложено ниже, быть может и в пользу России, все дальнейшие взаимные расчеты России с Украиной по этим суммам должны быть основаны или на действительном учете из Германии общерусских военнопленных, или же, в виду несомненной крайней затруднительности такого учета в настоящее время, могли бы быть произведены пропорционально численности украинского населения к общему населению всей прежней единой России» [4, д.47, л. 8]. «Соответствующее изложенным соображениям постановление и должно найти себе место в предстоящем русско-украинском мирном договоре» [4, д.47, л. 8].

В одном из отчетов, полученных из Центропленбежа¹ об условиях содержания военнопленных и подготовленных для предстоящей конференции министерства иностранных дел 3 июля 1918 г., приводятся примерные цифры русских военнопленных во вражеском плену: «Точные цифры следующие: 1 252 265 нижних чинов, 12 402 офицера и около 10 000 гражданских пленных, среди которых имеются 602 женщины и 170 детей, находящихся также в лагерях» [4, д. 47, л. 31]. «Считаясь только с цифрой 1 264 658 наших воинских чинов, находящихся в плену

¹ Центральная коллегия о пленных и беженцах

в Германии, и принимая из них 50-60 % великороссов, мы получаем для великороссов цифру, колеблющуюся между 632 000 и 695 000» [4, д. 47, л. 31]. «Что касается более точного распределения военнопленных по областям и национальностям, то немцы по-видимому, намерены воспользоваться этим, как поводом для задержания наших военнопленных, являющихся для них весьма ценными в смысле помощи немецкому торгово-промышленному и сельскохозяйственному аппарату» [4, д. 47, л. 31]. Исходя из циркуляра Центропленбежа и Народного комиссариата по финансам, в Москве проводилось Междуведомственное совещание из-за осложнений вопроса обмена военнопленных между российской и германской стороной. В ходе работы совещание пришло к заключению о несправедливых статьях Брестского мира, а именно: «в указанном параграфе, во-первых, проводится разница между непригодными к военной службе военнопленными, к которым относятся, как достигшие предельного возраста военнопленные, так и инвалиды, а также больные и военнопленными, пригодными к военной службе и, во-вторых, вовсе не говорится об обмене тех и других военнопленных равными количествами «голова за голову», а наоборот, та наивозможная поспешность обмена военнопленными непригодными к военной службе, о которой упоминается в настоящем параграфе, заставляет понимать употребленное здесь выражение «обмен», в смысле взаимного отпуска всех вообще военнопленных, непригодных к военной службе, в наивозможно кратчайший срок, в первую очередь и засим, остальных военнопленных, во вторую очередь. Таким образом, иное какое-либо разрешение настоящего вопроса, например, в смысле обмена всех вообще находящихся у нас пленных германцев (около 110 000 чел.) больных и здоровых на равное же количество наших военнопленных инвалидов в Германии, находилось бы в несоответствии с точным смыслом Брестского договора и представлялось бы для нас явно невыгодным. Разделяя приведенное заключение Междуведомственного совещания, и полагая, что таковое в качестве материала при предстоящих переговорах с немцами могло бы представлять интерес для наших делегатов, считаю необходимым сообщить об изложенном Центральной коллегии о пленных и беженцах» [4, д. 75, л. 1]. В конце документа стояла подпись и печать.

Из справки ведомства по иностранным делам стало известно, что заседания смешанной русско-германской комиссии по вопросам обмена военнопленных с Германией, проходившие в мае и июне 1918 года в городе Москва, были перенесены в столицу Германии. В Берлин для решения финансовой стороны Брестского договора и участия в этой комиссии выехали представители Российского комитета Красного Креста, Н. М. Жданов и еще несколько лиц. Но, как отмечено в документе: «Представителя от комиссариата финансов не было, как и в работе смешанной комиссии в Москве, что очень странно, так как финансовые вопросы – это компетенция финансового ведомства» [4, д. 45, л. 16].

Прочитав справку советских дипломатов, направленную в Москву 20 июня 1918 года стало известно, что немцы запросили сумму убытков в 1 миллиард рублей. В эту сумму «не вошли, однако требования германцев за содержание русских военнопленных, каковой, согласно официальной записке, полученной в комиссариате иностранных дел от нашего представителя в городе Берлин, германцы исчисляют приблизительно 1 500 000 000 (полтора миллиарда марок)» [4, д. 45, л. 13]. Эта сумма очень спорная и вот по каким соображениям. Согласно «параграфу 3 ст. 17 гл. V каждая из договаривающихся сторон обязана возместить издержки за содержание своих граждан, попавших в плен

лишь постольку, поскольку эти издержки не должны быть рассматриваемы погашенными работой военнопленных на государственных и частных предприятиях» [4, д. 45, л. 13].

«Как уже было сказано при точных подсчетах действительных убытков, причиненных Германии и германским подданным со стороны России, является крайне преувеличенными, поэтому русская делегация должна была взять во внимание основные пункты, изложенные в справке для уведомления советской стороной: 1) что из всех сумм стоимости содержания военнопленных должны быть исключены суммы, причитающиеся за выполнение принудительных работ; 2) что расходы на содержание военнопленных в большей своей части погашаются стоимостью выполненных ими работ; 3) что следуемые Германии за содержание военнопленных суммы должны быть погашены частью переводом на Германию сумм, причитающихся России от Австро-Венгрии за содержание австро-венгерских пленных в России; 4) что при взаимных расчетах следует исходить из паритета рубля и марки довоенного времени; 5) что ввиду прекращения размена банкнот на золото, как в России, так и в Германии взаимные обстоятельства должны погашаться в бумажных рублях и в бумажных марках» [4, д. 45, л. 15].

О плачевной ситуации российской делегации в работе смешанной комиссии по военнопленным свидетельствует Постановление от 3 июля 1918 г., согласно которому члены делегации в полном составе ушли в отставку. В документе указано: «Принять к сведению заключенное тов. Иоффе соглашение с Германией по вопросу об обмене военнопленными» [4, д. 51, л. 144]. «Предложить товарищам из российской делегации русско-германской комиссии при Народном комиссариате по иностранным делам, подавшим в коллективную отставку, взять её обратно» [4, д. 51, л. 144]. «Поручить Народному комиссариату по иностранным делам и русской делегации по делам военнопленных в случае возникновения каких-либо конфликтов с Германией по вопросу о вознаграждениях, передать его на арбитраж Швейцарии, согласно Брест-Литовскому мирному договору. Секретарь Совнаркома Н. Горбунов» [4, д. 51, л. 144].

Для подсчета издержек и убытков в июне 1918 г. была создана при Комиссариате торговли и промышленности Главная ликвидационная комиссия для разработки вопроса о наиболее выгодных для России способах ликвидации и расчета взаимных имущественных претензий России и Германии. В ходе работы бюро Ликвидационной комиссии наметило три способа решения данного вопроса:

1. Платеж деньгами в той или иной форме.
2. Путем товарообмена.
3. Путем предоставления концессий [4, д. 51, л. 144].

Помимо этого, для подсчета издержек советское руководство привлекало русских врачей, которые находились в немецких лагерях с русскими военнопленными. На запрос № 34 от председателя Особого отдела по финансовым вопросам, стоящим в связи с осуществлением Брестского договора, был дан ответ: «Наши врачи необходимые документы с цифровыми данными, интересующие Особый отдел привезти не смогли из-за строгих обысков [4, д. 51, л. 144]. Тогда за границу им выслали «Приложение к Гаагской конвенции 1907 г.» с целью выявить нарушение немецкой стороной статей конвенции в отношении русских военнопленных» [4, д. 51, л. 144].

20 июня 1918 г. проводилось заседание Совещательной комиссии для подсчета средств, потраченных на содержание иностранных военнопленных, а имен-

но средств на довольствие, состоявших на работах (учитывая их нормы и виды), размер выдаваемой им заработной платы, способов и стоимости их окарауливания и т.д. [4, д. 51, л. 96]. Для оказания помощи Совещательной комиссии на заседание приглашались представители компетентных органов и руководителей «Комиссариата земледелия, Квартирного управления, Военно-санитарного управления, Ликвидационного отдела Комиссариата торговли и промышленности, делопроизводителя административного отдела Центральной коллегии о пленных и беженцах, Комиссариата путей сообщения, Комиссариата внутренних дел, Центропленбежа, административного отдела Центропленбежа, счетного отдела Красной армии, начальника Главного хозяйственного управления Красной Армии, Центральной коллегии государственного контроля, ревизора военного отдела» [4, д. 51, л. 98]. Помощь просили у директора Департамента государственного казначейства Е. И. Смирнова, который в свою очередь направил запросы «во Всероссийский земский и Городской союз и председателю Союза бывших военнопленных врачей, доктору Сырцову, чтобы те в свою очередь помогли решить данный вопрос, оказали посильную помощь в необходимой информации и направили своих представителей для совещания» [4, д. 51, л. 96], причем «первое заседание Совещания назначено на субботу, 15 сего июня, в 6 часов вечера в помещении отдела: Староконюшенный переулок, 18, здание гимназии Медведниковых» [4, д. 51, л. 96].

Из сообщения Главного Управления Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии сведений о числе взятых советской стороной военнопленных в Первую мировую войну и распределении их по округам и ведомствам начиная с весны 1915 года в течение всего периода войны, общее число военнопленных составляло 1 800 000 человек. На попечении военного ведомства находилось в среднем за период Первой мировой войны около 1600 000 человек, а все остальное количество военнопленных было отпущено на работы в распоряжение других ведомств, на счет которых относились расходы по их содержанию (помещение, продовольствие, лечение, снабжение одеждой, обувью, бельем и необходимыми рабочими инструментами, а также содержание охраны). Если рассмотреть сметы затрат на иностранных военнопленных – суммы внушительные исчисляются миллионами [д. 51, л. 96].

Особый отдел проводил при поддержке Департамента государственного казначейства Междуведомственное совещание с представителями вышеперечисленных ведомств в течение всего июля и пришел к следующему заключению о неотложной необходимости командировать в Германию компетентное лицо – консультанта Особого отдела Алексея Ильича Маркова чтобы тот «принял все меры к собранию на местах, в Германии, материалов и данных о содержании наших военнопленных и подлежащей выдачи им заработной платы, как официального, так и частного характера за отсутствием таковых в России....» [4, д. 51, л. 127]. Другие ведомства просили у Маркова уточнить численность наших военнопленных в Германии по прибытии туда, и выяснить вопрос о стоимости содержания наших военнопленных в Германии [4, д. 51, л. 127].

В ходе всех заседаний и привлечений всех компетентных организаций к работе Междуведомственной комиссии и тщательному изучению полученных материалов Особый Отдел пришел к следующим главнейшим выводам: 1. Относительно числа военнопленных. Число военнопленных в России на 1 июля 1918 года по вычислению Особого отдела германцев – 159 170 человек, австрийцев – 1 686 658

человек, турок – 2433, болгар – 72 человек. Из них 27621 – офицеры. Причем русская делегация высчитывала количество иностранных военнопленных в пунктах выдворения, в лечебных заведениях, на работах во внутренних округах на тыловых работах театра военных действий, бежавших и умерших.

Особый отдел подсчитал общее количество пленодней иностранными военнопленными, а также пленодни отдельно для немецкой, австрийской, турецкой и болгарской армии отдельно для офицеров и отдельно для солдат.

Относительно стоимости за содержание по годам с 1914 по 1918 гг. согласно инфляции и роста цен – 3 064 347 миллиарда рублей. «Сама цифра наших военнопленных определялась в Германии немцами в 1 250 000 человек. Но при проверке регистрационных карточек и списков выяснилось, что наши военнопленные очень часто показывались под измененными именами по два и даже по три раза, причем, обозначенное немцами количество русских военнопленных преувеличения составили до 33,1 % для проверенных на выдержку солдатских 740 тысяч списков и до 41, 8 % для офицерских. Согласно сему, число наших военнопленных в Германии надлежало бы сократить, по крайней мере, на 30 %, т.е. до 875 тысяч человек» [4, д. 51, л. 238].

После выяснения всех вопросов по военнопленным между Россией и Германией в Берлине 24 июня 1918 г. был подписан так называемый Германорусский протокол относительно основ обмена годных к службе военнопленных обеих сторон подписанный Криге (немецкая сторона) и Иоффе (русская сторона) [4, д. 45, л. 76]. Документ содержал следующие статьи: «На основании ст. 35 абзац 2, русско-германского дополнительного договора к мирному договору между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны, и Россией с другой стороны, нижеподписавшиеся представители Германской империи и Российской Федеративной Республики согласились установить в дополнение к постановлениям, содержащимся в ст. 17 дополнительного договора, относительно обмена годных к службе военнопленных обеих сторон, следующие положения:

Статья 1-ая.

Обмен годных к службе военнопленных обеих сторон производится пока голова на голову и степень за степень. Относящиеся к сему подробности будут установлены с наибольшей спешностью, предусмотренной в статье 17 параграфа 4 дополнительного договора Комиссии, причем в основу будут положены принятые ею до сих пор соглашения. Издержки за обменных согласно с сим военнопленных, будут взаимно приняты в зачете» [4, д. 45, л. 70].

Статья 2-ая.

«После окончания, установленного в ст. 1-ой обмена, отправка остальных русских годных к службе военнопленных последует в соответствии с могущими быть использованными транспортными средствами. Подробности сего будут установлены дипломатическим путем и, поскольку дело касается детального проведения Комиссией, предусмотренной ст. 17 параграфа 4 дополнительного договора; при этом, уже теперь Германия дает заверение, что по заключению мира с Францией освобождающиеся тогда транспортные средства по возможности, будут предоставлены для перевозки военнопленных» [4, д. 45, л. 70].

«Издержки на русских военнопленных, за исключением обмениваемых по ст. 1 абзац 1, произведенный до 1 июля 1918 года, должны быть с принятием в соображение определений ст. 17 параграфа 3 дополнительного договора по воз-

возможности установлены при происходящих в настоящее время в Берлине Германо-Русских финансово-политических переговорах. Издержки произведенные после 1 июля 1918 года не принимаются в расчет» [4, д. 45, л. 70].

Статья 3-я.

«Взявшее в плен государство будет обращаться с военнопленными солдатами до их освобождения, с вызываемыми их положением различиями, как с солдатами собственной армии» [4, д. 45, л. 70].

В ГАРФ сохранился документ – Повестка от 29.07.1918 г., подписанная секретарем консультации Ф. М. Миллером, в которой сообщается, что во вторник 30-го июля в 3 часа дня в новом помещении Московского комитета Красного Креста помощи военнопленным (Мясницкая, 44, Мал. Харитоновского пер.) состоится заседание Консультации при юридическом отделе комитета, на которое «имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, пожаловать» [4, д. 45, л. 99]. На заседании были намечены для обсуждения следующие вопросы: «1) какие расходы на содержание военнопленных являются бесспорными и какие могут быть оспариваемы, с точки зрения международных соглашений (Гаагской конвенции, Стокгольм, 1916 г.); 2) выяснить определение понятия «эквивалент» работы военнопленных, подлежащего зачету в сумму расходов, произведенных на их содержание (Германская объяснительная записка к Брестскому договору)» [4, д. 45, л. 99].

Заседание Консультации по международно-правовым вопросам при юридическом отделе Московского комитета помощи военнопленным действительно проходил 30 июля 1918 г., и согласно протоколу, на нем присутствовали: Ф.В. Миллер, С. Д. Боткин, А. Н. Нерсесов, М. Н. Нерсесов Г. М, Гольдштейн, Г.П, Альбат, А. И. Марков. Заявление Центральной коллегии о пленных и беженцах и русской делегации в Смешанной комиссии о военнопленных, поданное в Народный комиссариат иностранных дел выражало мнение по поводу точного смысла параграфа 4 ст. 17 дополнительного мирного договора, в котором определялась сумма издержек на военнопленных и принадлежало не Берлинской политической комиссии, а Московской смешанной комиссии. Из комиссариата по иностранным делам 19 июля 1918 г. была отправлена телеграмма российскому представительству в Берлине, в которой предлагалось русской делегации в Берлинской комиссии приостановить начатую работу по определению суммы издержек на военнопленных [4, д. 45, л. 86].

На совещании обсуждался нерешенный вопрос, кто будет проводить работу о расчетах за военнопленных: Московской смешанной комиссии, или Берлинской комиссии [4, д. 45, л. 87].

Далее выносилось на обсуждение понятие – эквивалент работ, вернее, эквивалент произведенного труда (зачет общей стоимости работ, произведенных русскими военнопленными в Германии), что помогло бы облегчить положение нашей делегации в вопросе издержек [4, д. 45, л. 88]. Эквивалент рассматривать не как минимальную заработную плату за труд, а обычную зарплату, которая может различаться из-за рода и формы труда (поденно, сдельно и т.п.). Единственной базой для подсчета зарплаты – нормы профессиональных германских союзов [4, д. 45, л. 88].

На заседании выступил член русской делегации Г. М. Гольдштейн, который высказался о невыгодном нашем положении по сравнению с немцами и предлагал «затянуть вопрос о расчетах за содержание военнопленных: русской комиссии

надо настаивать на разнице в оплате труда нашим военнопленным в различных отраслях немецкой промышленности, уровня квалификации; не идти на уступки и требовать оплату русским военнопленным, как свободным германским рабочим; требовать установить твердые нормы оплаты труда за сельскохозяйственный труд» [4, д. 45, л. 87].

Советские дипломаты высказывались о том, что положения Брестского договора не совпадают в вопросе об оплате труда военнопленных с положениями Главы 2 ст.6 приложения к 4 Гаагской конвенции. Гаагская конвенция имела тенденцию нормировать оплату труда военнопленных в соответствии с оплатой собственных солдат. Но, по мнению советской делегации, германское правительство это нисколько не смущало. [4, д. 45, л. 90]. Как заметил, советский делегат на заседании консультации немецкая сторона проводит большое различие между «Верт» и «Прейс» – «ценностью» и «ценой», а также говорит о «контрценности» («гегенверт»), объясняя с выгодой для себя, что у русских военнопленных малая производительность труда, плохая степень обученности, порча материала и т.п. В ответ русская делегация заявила, что «работа наших военнопленных имела важное значение для немцев, и спасла Германию от голода и дала ей возможность выдерживать до настоящего времени войну» [4, д. 45, л. 23].

Для обсуждения финансового вопроса издержек по Брестскому договору в Петрограде 10 августа 1918 года проводилось совещание, на котором обсуждались методы подсчета издержек на содержание военнопленных в России. Германская сторона предлагала метод детального исчисления, что противоречило нашим интересам, но было выгодно Германии. Советская делегация поддерживала так называемые «огульные подсчеты», которые, по мнению Петроградского совещания, более ограждали финансовые интересы страны [4, д. 45, л. 22]. На заседании Германия объяснила русским делегатам, откуда взялась такая сумма в 1 500 000 000 марок: из расчета, что примерно русские военнопленные провели в плену в среднем 30 месяцев, на содержание каждого за весь период войны приходилось – 1250 марок. Получается Германия детально исчисляла проведение нашими пленными в немецком плену «пленодней» [4, д. 45, л. 22].

Чтобы советская делегация могла предъявить встречный иск Германии, Комиссариат по финансам провел работу по подсчету убытков, понесенных советской стороной за содержание вражеских военнопленных. Произведенные подсчеты оказались приблизительными и теоретическими. Методы, которые использовало российское руководство сводились к следующему: «численность военнопленных и рост их в течение войны умножить на нормы и стоимость различных видов довольствия по периодам (продовольствие, провиант, вещевое довольствие, квартирное и т.п.). К сожалению, финансовое ведомство располагало только перечнями и ведомостями исчисления кредитов военного фонда на содержание войск, учреждений и заведений военного ведомства и некоторыми представлениями того же ведомства с расчетами кредитов на содержание военнопленных. Сведения о численности вражеских военнопленных были сообщены Главным управлением Генерального штаба, остальные важные вопросы для расчетов зависли в воздухе. Например, расходы на перевозку военнопленных, содержание караульных команд, содержание больных военнопленных, в какие лечебные заведения помещались вражеские военнопленные и сколько в среднем состояло больных?» [4, д. 45, л. 23].

В тексте доклада фонда российской делегации на предстоящих переговорах настоятельно советовало советское правительство и руководство осветить из достоверных сведений, опираясь на нормы международного права, что размер заработной платы русским военнопленным в Германии был крайне низок: около 50 пфенингов в день. Этот факт помог бы смягчить вопрос по издержкам [4, д. 45, л. 23].

Советская делегация на переговорах хотела обсудить ещё ряд вопросов, которые вызывали сомнения: «1) как исчислять расходы на военнопленных немцев – по средней стоимости; 2) действительно ли выгодно нашей стороне считать стоимость содержания наших военнопленных в Германии равной стоимости содержания германских военнопленных у нас; 3) предпочтительно ли получать нам инвалидов взамен всех вообще пленных германцев, значительная часть которых является трудоспособной, или нужно было бы требовать возвращения сперва здоровых наших пленных?» [4, д. 45, л. 23].

О сложностях в проведении переговоров по военнопленным пишет в докладных записках атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семков. Он вспоминает, что русские военнопленные очень скептически относились к миру, так как у них отсутствовала какая-либо надежда на освобождение из плена. Комендант лагеря распорядился, чтобы в рабочих командах, где находились русские военнопленные, объявили следующее: «Ввиду ненормального положения в России и отсутствия «дорожной» возможности, пленные не так скоро будут возвращены на родину, а посему нужно сохранить спокойствие и те, которые будут убежать, не только будут наказаны, но и оставлены напоследок» [4, д. 47, л. 3]. Это заявление было напечатано по-русски, и прочитавшие были принуждены его подписать. По этому случаю произошел скандал, так как некоторые пленные начали протестовать против такого насилия в шахте Эльзаса. Именно там находилась третья рабочая команда. Протест дошел до военного министерства» [4, д. 47, л. 3]. «Правовое положение наших военнопленных до сих пор не изменилось, как видно на немцев не действует дипломатическое воздействие. По-сылаю вам три докладные записки о посещении мною лагерей, достаточно характеризующие положение вещей. Результаты состоявшегося совещания 3-го июня с. г. в Министерстве иностранных дел мне до сих пор неизвестны. С ответом они не спешат. Надежда на смешанную комиссию в Москве тоже привела к полному разочарованию. Незаметно никакой подготовительной работы со стороны немецких властей в области эвакуации наших пленных. Время движется вперед, а мы мало чего успеваем сделать для пленных» [4, д. 47, л. 3]. «Что касается эвакуации их в Россию, заметна замедленность, а во многих случаях препятствия. Сообщения о том, что немецкие пленные группами под прикрытием инвалидов переправляются в Германию, вызывает с нашей стороны возмущение. Необходимо усилить контроль на пограничных пунктах, причём запретить кому-либо добровольно уходить с лагеря и самовольно переправляться через границу. Я глубоко убежден, что эти военнопленные «беженцы» встречают со стороны Мирбаха и его кампании всяческое содействие. Мы нашим пленным «беженцам» даем только денежную помощь. Затяжной характер переговоров смешанной комиссии и реальная работа по делу эвакуации здоровых военнопленных уже вызывает возмущение в рядах военнопленной массы. Возмущение настолько сильно, а вместе с ним недовольство своим каторжным положением, что можно ожидать всяких эксцессов. Со стороны немецкого общества – полное безразличие» [4, д. 47, л. 4].

«У меня возникла идея написать докладную записку с описанием фактов бытия русских военнопленных и раздать её среди общественных организаций, профессиональных союзов, политических партий и видных деятелей политического и научного мира. Цель этой записки раскрыть существующее рабство и нечеловеческое насилие над беззащитными пленными. Я постараюсь, чтобы эта записка была опубликована в нейтральных странах, главным образом в Швейцарии, так как заранее расположить общественное мнение в пользу нас имеет большое значение при назначении арбитра президентом Швейцарии в смешанную комиссию. Было бы полезно, чтобы русская социалистическая печать подняла кампанию в защиту наших пленных. Такая кампания будет иметь большое политическое значение, так как рикошетом она ударит по немецкой прессе. Каков бы то ни был финал дальнейшей политики между Германией и Россией, военнопленные долгие не могут оставаться людьми из мира отверженных» [4, д. 47, л. 4].

В отчете русский дипломат упоминает издание советским руководством части Берлинского договора, касающихся пленных и указывает, что уже установлено нормальное почтовое сообщение с Россией и русская делегация добивалась беспрепятственной посылки писем пленным к родным, а также обратно без оплаты почтовых расходов [4, д. 47, л. 6]. Сами военнопленные боролись за себя и написали письмо в Международное бюро труда в Женеву о своем положении в Германии: «Мы обращаемся к Вам, товарищи рабочие, с этим призываем и просим Вас возбудить вопрос об улучшении нашего положения на предстоящей октябрьской конференции» [4, д. 47, л. 1] «... И дать нам доступ к работам...» [4, д. 47, л. 1].

В ГАРФ хранится Справка № 3 Особого отдела по разработке финансовой стороны Брестского договора, в которой советской стороной были подсчитаны денежные траты на содержание как захваченных русскими в Первую мировую войну военнопленных, так и русских военнопленных в Германии, Австрии, Болгарии и Турции. Возникшие вопросы согласовывались постановлениями Брестского договора и международных конвенций. По произведенным подсчетами «общее число проведенных всеми захваченными русскими в минувшую войну военнопленными пленодней, считая крайним сроком 1 июля 1918 г. составляет 1 540 617 060 рублей, а в том числе больничных дней 25 700 874. При средней стоимости пленодня в 1 руб. 30 коп. и больничного дня в 3 руб. 18 коп. издержки на содержание одного военнопленного в месяц выражаются в среднем в 39 руб., а с расходами на окарауливание в 47 руб., 60 коп.; за все же время пребывания в плену, считая такое пребывание для одного пленного в среднем около 31 месяца – 1 476 рублей» [4, д. 45, л. 53]. Если умножить эту цифру на число военнопленных, получается сумма издержек на их содержание в 2 453 479 069 рублей, причем следует иметь в виду, что эта последняя цифра выражает стоимость содержания военнопленных солдат, за исключением офицеров и умерших, бежавших, отданных на поруки и т. п.» [4, д. 45, л. 53]. «Если учесть издержки на содержание военнопленных офицеров и категорию пленных умерших и бежавших и продолжительность пребывания в плену в среднем около 16 месяцев, то к указанной сумме надлежит присоединить ещё 282 418 440 рублей, в том числе 83 266 440 рублей на офицеров и 199 152 000 рублей на умерших и бежавших, и таким образом, общая сумма издержек на военнопленных составит 2 735 897 509 рублей, из коих 193 318 177 рублей приходится на долю военнопленных германцев, 2 510 283 835 рублей – на австрийцев, 32 171 169 рублей – на турок, 124 328 – на болгар. Данные цифры русская комиссия решила увеличить за счет стоимости перевозок военно-

пленных и их караула с театра военных действий в пункты водворения и обратно до пограничных линий по освобождению» [4, д. 45, л. 53].

При подсчете немецких затрат, русская делегация имела ввиду то обстоятельство, что «германцы посылали наших солдат на работы с самого начала войны в количестве не менее 80 % общего числа взятых в плен, между тем как у нас иностранные военнопленные начали работать лишь с 1 мая 1915 года, требования германцев должны быть уменьшены на сумму, примерно в 45 млн рублей. Таким образом, претензии Германии должны составлять не более 383 млн рублей» [4, д. 45, д. 76].

В ходе исследования можно сделать ряд выводов. Деятельность советской делегации и компетентных органов в течение лета 1918 г. была направлена на то, чтобы решить проблемы с положением военнопленных. Менять «голова на голову» было весьма невыгодно русской стороне, так как русских военнопленных было в несколько раз больше, чем немецких. Германия согласилась без проблем отправлять на родину инвалидов, тяжелораненых, больных и престарелых русских военнопленных. В то время как молодые и годные к службе продолжали томиться в лагерях и работать в различных отраслях немецкой промышленности и сельского хозяйства. Руководству Германии, бизнесу и промышленникам было выгодно использовать труд русских военнопленных и платить низкую зарплату, в отличие от немецких рабочих, и решать вопрос с отправкой на родину военнопленных не спешили.

Еще одной острой проблемой после осуществления и реализации условий статей Брестского мирного договора по обмену военнопленными стал вопрос о выплате издержек за содержание, кормление и обмундирование русских военнопленных. Русская делегация подсчитала, что немцы выставили слишком большую сумму за наших пленных, нарушая условия Гаагской конвенции, притом, что в германском плену русские находились в очень плохих и тяжелых условиях, что подтверждают факты свидетелей, очевидцев, докладные записки атташе по делам военнопленных при посольстве РСФСР в Берлине С. М. Семкова.

В ходе работы смешанных советско-германских комиссий, Междуведомственных заседаний был подписан Германо-русский протокол относительно основ обмена годных к службе военнопленных обеих сторон, который существенной роли в улучшении положения русских военнопленных не сыграл.

Организация массового возвращения русских военнопленных на родину и оказание им всесторонней государственной поддержки была возложена прежде всего на губернские и уездные коллегии о пленных и беженцах при содействии как центральных, так и местных органов советской исполнительной власти. Из-за разрухи и гражданской войны этой поддержки было недостаточно, в связи с чем гуманитарную помощь военнопленным оказывали общественные организации. Советское правительство вынуждено было проводить социальную политику в виду тяжелого положения русских военнопленных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мигун Д. А. Германо-советские отношения летом 1918 г. // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., Пинск, 24-25 ноября 2017 г. Пинск. 2017. С. 180-184.

2. Нагорная О. С. Русские генералы в Германском плену в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 94-108.
3. Ходыкин М. И., Тухватуллин А. Х. Дипломатические отношения Советской России и Германской империи после заключения Брест-Литовского мирного договора // Лучшая студенческая статья 2016: Сборник статей Международного научно-практического конкурса. 2016. С. 51-61.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-546. Оп. 1

REFERENCES

1. Migun D. A. German-Soviet relations in the summer of 1918. States of Central and Eastern Europe in historical perspective: collection of scientific articles on the materials of the international conference. scientific Conf., Pinsk, November 24-25, 2017 Pinsk, 2017, Pp. 180-184.
2. Nagornaya O. S. Russian generals in German captivity during the First world war. New and recent history. 2008. No. 6. P. 94-108.
3. Khodykin M. I., Tukhvatullin A. H. Diplomatic relations of Soviet Russia and the German Empire after the conclusion of the Brest-Litovsk peace Treaty. Best student article 2016: Collection of articles of the International scientific and practical competition. 2016. Pp. 51-61.
4. State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-546. Op. 1

Информация об авторе: Лазаренко Елена Ивановна – аспирант третьего курса кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени И. Г. Петровского (Россия),
E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Lazarenko Elena Ivanovna –postgraduate student of the third year of the Department of National History of the Bryansk State University named after I. G. Petrovsky (Russia),
E-mail: lena.lazarenko.79@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests.